

Эпохальные
МЕМОУАРЫ

ВАСИЛИЙ НОВОБОРАНЕЦ

Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ
О ВОЙНЕ СТАЛИНА

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА

Эпохальные мемуары

Василий Новобранец

**Я предупреждал о войне Сталина.
Записки военного разведчика**

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Новобранец В. А.

Я предупреждал о войне Сталина. Записки военного разведчика /
В. А. Новобранец — «Яуза», 2017 — (Эпохальные мемуары)

ISBN 978-5-9955-0943-1

Накануне войны полковник ГРУ Василий Новобранец, в обход своего непосредственного начальства, направил Сталину и разослал в войска разведсводку, предупреждавшую о скором нападении немцев на СССР, однако вождь полковнику не поверил. Посмеившись против «руководящей линии партии» и собственного руководства, которое в угоду Сталину закрывало глаза на любую информацию о приближении войны, Новобранец понимал, что рискует головой — но судьба хранила разведчика: его не посадили и не расстреляли, а всего лишь «сослали» в штаб Киевского Особого Военного округа, после 22 июня преобразованного в Юго-Западный фронт. В августе 1941 года начальник разведотдела 6-й армии ЮЗФ Василий Новобранец попал в плен в Уманском котле. Отказавшись сотрудничать с врагом, он прошел через все ужасы немецких концлагерей, выжил, бежал, партизанил на Украине и в Норвегии. Обо всем этом, об увиденном и пережитом, Василий Андреевич рассказал в своих мемуарах. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0943-1

© Новобранец В. А., 2017

© Яуза, 2017

Содержание

Книга I	9
Глава I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Василий Новобранец
Я предупреждал о войне Сталина.
Записки военного разведчика

© Новобранец В.А., 2017
© ООО «Яуза-пресс», 2017

Книга I

Довоенные годы и война

Глава I

Детство и юность

Мое детство и юность ничем особенным не отличались от судеб миллионов таких же бедняцких и батрацких мальчишек.

С восьми лет пришлось идти в пастухи к сельским кулакам. А случилось это вот почему.

Мой отец, Андрей Степанович Новобранец, работал слесарем в Николаеве на каком-то французском заводе. Не знаю уж по какому случаю, но отца с завода уволили и выслали из города по «волчьему билету». Молодым читателям поясню: «волчий билет» в Российской империи означал особый вид возмездия за политическое непокорство. Человек с «волчьим билетом» не имел права жить в губернских городах, в уездных городах разрешалось «волку» прожить месяц, а в волости – в зависимости от характера и настроения волостного старшины или земского начальника. «Волк» – это политический бродяга.

Случилось это с отцом в 1912 году. Из истории революционного движения в России мы знаем, что в этом году после Ленского расстрела боевой дух рабочего класса стал возрождаться и нарастать. Во многих городах, в том числе и в Николаеве, были крупные забастовки и столкновения с полицией. Могу только догадываться, что и мой отец принимал активное участие в этом движении, за что и попал в «волки».

Мне тогда исполнилось всего восемь лет. Моей матери Евдокии Андреевне с двумя сыновьями – мной и младшим Андреем – пришлось уехать в деревню Кононовка Сенчанской волости Полтавской губернии к моему деду по отцу, Степану. Дед-бедняк имел только хатумазанку, традиционный вишневый садик и огород. Батрачил. Со снохой, моей матерью, дед из-за чего-то повздорил, и она ушла работать в сельскую «сборню» – хату, где происходили обычные сельские сходы. Работала мать сторожихой, за что получила право жить в сборне. Хлеб мать зарабатывала на уборке кулацких полей «за седьмой сноп». А я пошел к кулаку пастухом за пять пудов хлеба... за весь пастушеский сезон!

Кулаки, у которых довелось работать, за малейшую ошибку или мальчишеский недогляд чаще прибегали к кнуту, чем к словесному внушению.

В деревне была школа. В первый же год приезда в Кононовку я пошел учиться. Учительницей была поповна Вера Ивановна. По тем временам – неплохая учительница. Кроме обычной грамоты по программе она читала нам рассказы, стихи, чаще всего Тараса Шевченко. Насколько я сейчас вспоминаю, была наша учительница националисткой, за что ее и уволили.

Другим нашим учителем и воспитателем был дьякон.

Учился я хорошо и охотно, с жадностью читал каждую случайно попавшуюся книжку...

Года три мы об отце не получали никаких известий. Уже в начале Первой мировой войны мать как-то сказала мне и брату Андрею:

– Бегите до дида, батько приехав.

Побежали. В хате увидели: сидят батько с дедом. Выпивают.

– Здравствуй, тату, – говорю отцу... Отец пошел с нами гулять. На прогулке расспрашивал, как живем и учимся. Я сказал, что здешнюю школу уже кончил, а учиться еще хочется.

В волостном селе Сенча была министерская школа с пятилетним обучением. Учение было платное, и отец заплатил за меня.

Вскоре отец уехал. Уезжая, закопал в огороде железный ящик с книгами и наказал:
– Вырастешь – выкопай книги и прочитай.

И отец опять исчез. Вновь появился в 1917 году, в начале революции. С участием «волка» и по его наущению крестьяне разгромили ближайшего к нам помещика. «Громил» и я, тринадцатилетний мальчишка. С погрома принес... книги! Особенно запомнилась книга «Астрономические вечера» Фламариона.

Запомнилась и внушительная демонстрация с красными флагами. Солдаты-фронтовики, и отец среди них, арестовали пристава, урядника, волостного старшину. Демонстранты пели песни, но запомнились всего две: «Заповит» Тараса Шевченко и другая, националистическая:

Ще не вмерла Украина,
И слава, и воля,
Ще нам, хлопцы молодые,
Усміхнеться доля...

Песня особенно полюбилась кулацким сынкам. Но и мы, оборванцы батрацкие и бедняцкие, вслед за ними подхватывали:

Згинут наши вороженьки,
Як роса на сонці,
Запануєм мы, братці,
У своїй сторонці.

В 1918 году, когда на Украину хлынули немецкие дивизии, отец ушел с полком красноармейцев. В Новочеркасске он попал в плен и был расстрелян белоказаками.

Предоставляю право самим читателям судить, как эта скупое изложенная биография отца могла повлиять на мальчишеское сердце и воображение, как она повлияла на всю дальнейшую жизнь мою.

О смерти отца я узнал летом 1919 года. Моя батрацкая жизнь за это время совершенно не изменилась. Все так же я пас кулацкий скот. Бродя по степи в обществе таких же мальчишек и рогатых друзей человека, я думал-мечтал, создавал десятки вариантов мести за отца, за свою нищую жизнь. Но кому и как? В моем мальчишеском мозгу думы и мечты не получали конкретных форм. Только крылатая розовая мечта без почвы и реального содержания.

Ответ на мои думы-вопросы подбросила сама жизнь. Однажды по шляху мимо меня шел большой обоз в сопровождении красноармейцев. Подошел я к ним.

– Дядька, – спрашиваю пожилого красноармейца с красной лентой на фуражке, – куда идете?

– А чуешь, хлопчик, гром гремит?

Я и до того обратил внимание на далекий гул. И дивился: небо ясное, только легкие барашки на нем, а где-то гром гремит.

– Чую, дядько, – отвечаю красноармейцу, – будто гром, а хмары не бачу.

– А то Деникин на нас идет, это и есть гадючья хмара.

– Дядько, а можно мне с вами?

– А что скажет твой батько?

– А моего тату расстреляли казаки.

Красноармеец аж крякнул от неожиданности, но все же сурово сказал:

– Ишь ты... тоже, значит, в красных был... но ты, хлопец, еще мал. Живи до времени, расти...

А я, забыв про кулацкий скот, иду с ним рядом, еще и еще прошу. Дрогнуло солдатское сердце:

– А ну, садись на воз... побалакаешь с командиром полка.

Полк шел через нашу деревню Кононовку и остановился в ней на ночлег.

Вечером я пошел к командиру. Усатый, в кожаной куртке, перепоясанный пулеметными лентами, суровый на вид командир выслушал меня и спросил:

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Вот и врешь. И дальше так будешь врать? Нет! Иди домой к матери... когда подрастешь и отучишься врать – приходи.

Заплакал я от досады – соврал неудачно. И от обиды: был я уже опытным пастухом, получал от кулаков, кроме пяти пудов хлеба, рубаху, чоботы и свитку, а ростом не вышел: в свои 15 лет я выглядел двенадцатилетним. Видимо, кулацкий хлеб не шел мне впрок.

Иду домой и умываюсь слезами. На улице увидел другой обоз. И около него знакомые дядьки – члены коммуны. Узнаю от них, что в связи с наступлением Деникина вся коммуна уходит. Побежал я к председателю коммуны. Тот знал моего батьку, знал всех нас и нашу батрацкую долю. Выслушал он меня, почесал затылок и разрешил идти с обозом коммунаров.

Пошел обоз коммунаров по тылам Деникина, отбиваясь от белых и желто-зеленых банд. В коммуне я стал разведчиком, получил коня, карабин и шашку. Шашка была мне до плеча, а на коня я мог сесть только с пенька или повозки.

И все же в боевых схватках с бандитами и в разведке я ни от кого не слышал слов упрека или насмешки. Из крупных боев запомнился бой с бандой Ангела. Растрепали мы эту банду весьма основательно, и сам он еле ноги от нас унес.

Так скитались мы всю зиму 1919 года. В начале 1920 года коммунары вернулись в свою деревню.

Началась та «мирная» жизнь, которая для молодой Советской власти была не менее тревожной, трудной и сложной, чем Гражданская война. В 1921 году в местечке Сейча организовалась комсомольская ячейка. Всего в ячейке было шесть парней и одна девушка. В деревне Кононовка я был один комсомолец.

Комсомольцы приняли активное участие в работе комбеда, в изъятии хлебных излишков, в заготовке продовольствия. Я был в составе продотряда.

Комбед улучшил наше материальное состояние. Мне выделили корову, пять овец и две десятины земли (на две мужские души – брата и меня). Дед помирился со снохой, моей матерью, и я стал хозяйничать уже вместе с ними. Пахал, сеял.

Но кратка и малопродуктивна была моя хозяйственная деятельность.

Для того чтобы пахать, нужно было иметь плуг, лошадь, различные сельскохозяйственные орудия. Ничего этого у меня не было. Пришлось сдавать землю в аренду кулакам. И снова кулаки были с хлебом, а я без хлеба. Кроме того, в селе разгорелась классовая борьба. Кулаки взяли за оружие. Кулацкие банды стали нападать на села, убивать коммунистов, комсомольцев, советских служащих. Пришлось больше воевать с бандами, чем пахать землю.

Однажды мы получили сообщение, что одна банда должна пройти через местечко Сейча. Волостная комячейка и комсомольцы организовали отряд. Банда нарвалась на нашу засаду. В короткой схватке мы разгромили ее, убив много бандитов и захватив одного в плен.

Пленного мы всенародно судили. На поляну, где проходил суд, собралось много крестьян. Бандиту дали полную свободу для защиты, для изложения своей программы. Бандит высказал свои националистические взгляды и свою кулацкую программу. Его выслушали внимательно, а потом стали выступать члены партии и коммуны. Кулацкая программа была теоретически

разбита. Крестьяне аплодировали коммунистам. Бандит был вынужден признать свои «идейные» ошибки. Всенародный суд приговорил его к расстрелу. Приговор был тут же приведен в исполнение.

Беспокойная жизнь, воспоминания об отце, непрекращающийся бандитизм, продолжающаяся нищета привели меня к решению: надо идти в армию и учиться.

И удача улыбнулась мне: осенью 1922 года был объявлен набор в школу «Червоных старшин». Обсудили мы, комсомольцы, это известие и на своем собрании: все шесть парней подали заявление в школу.

Так с конца 1922 года и началась моя официальная военная биография.

И вот деревенский пастух из глухой полтавской деревеньки оказался в Харькове, столице Украины.

Сейчас и мне нелегко вспомнить и показать контраст между деревней 1922 года и Харьковом, по тому времени достаточно крупным городом.

Предшествующий 1921 год был годом страшного голода, охватившего двадцать центральных губерний. А 1922-й был годом не менее ужасных последствий двух войн и неурожая.

Труднообразимый контраст!

Деревенские хаты из-за отсутствия керосина и ламповых стекол освещались сальными каганцами и копилками. Из-за отсутствия угля и железа кузницы не работали. Не было простейших инструментов, ножей, топоров, не было необходимых в крестьянском обиходе тканей – ситца, сатина, бязи, «чертовой кожи», даже соль была остродефицитной.

Наша Полтавщина не пострадала от засухи, мы имели хлеб и овощи, но мимо нас брели тысячи людей из голодных губерний. На них страшно было глядеть.

И вот из деревни, утопающей в прямом и переносном смысле во тьме, переходящей на натуральное хозяйство «все свое в своем хозяйстве», на простейший товарообмен, деревенский батрак, пастух вдруг оказался в крупном городе, в тогдашней столице Украины.

Здесь – сверкающие витрины нэпмановских магазинов, барыни в мехах, лихачи на дутых шинах, пьяный разгул в трактирах и ресторанах, спекулятивные базары и толкучки, где можно было все продать и все купить: и кусок хлеба, и рубашку, и продовольственную карточку, и фунты-доллары...

Нэпман нагло захватил центральные улицы города, а рабочие окраины были все так же погружены в сумрак и все так же питались очень скудными пайками по карточкам. И всюду – на улицах и площадях, на вокзалах и у подъездов учреждений – огромное количество нищих: стариков, инвалидов, женщин с детьми.

И беспризорники!

Многое из тех лет современная молодежь знает из книг, видели в кино и театрах. Но очень многое еще надо вспоминать и рассказывать. И показывать, но без всякой романтики!

С высоты последних десятилетий XX века лучше просматриваются и познаются минувшие события начала века.

В школе «Червоных старшин» имени ВУЦИК (Всеукраинский Центральный исполнительный комитет) встретили нас, молодых деревенских парней, очень хорошо. Я страшно боялся экзаменов, так как сознавал скудность своих познаний, полученных в сельской школе. Но «испытания» оказались простой формальностью.

Во-первых, мы были комсомольцами, а армия нуждалась в новых «красных» командирах; во-вторых, я был бедняком, пастухом и уже «понюхал» порох в Гражданскую войну; в-третьих, на один-единственный вопрос «Что такое РСФСР?» я ответил хотя и уверенно, но не совсем точно: «Российская советская федеративная республика», а вот что скрывалось за вторым «С», ответить не смог.

Члены приемочной комиссии, выслушав мою биографию и мой ответ на вопрос «из политграмоты», переглянулись, улыбнулись, и комиссар школы Кирпонос сказал:

– Ну иди... Принят!

На учебу я накинусь, как голодный на котелок добротной солдатской каши. Некоторые предметы мне давались трудно – математика, русский язык, но я брал их огромной усидчивостью. Даже в праздничные дни я редко выходил на прогулку по улицам Харькова.

Одновременно с преодолением учебной программы я стал азартно читать политическую литературу, и в первую очередь, конечно, сочинения Ленина. Много воспринималось легко, многое ускользало от моего недостаточно зоркого политического зрения, но крепко и на всю жизнь укрепились простое ленинское слово. Оно поразило меня ясностью, глубиной и общедоступностью. Казалось бы, очень сложные теории и философское учение в его изложении становились понятными даже для меня, сельского парня с образованием нынешней семилетки. Статьи и речи Ленина открывали и освещали мне пути в новый мир.

Большое, можно сказать, решающее значение для нашего политического роста имела партийно-комсомольская и общественная жизнь курсантов. Никогда и нигде я больше не встречал и не переживал столь бурной, страстной и просто увлекательной общественной и политической жизни, какую посчастливилось пережить в харьковской школе «Червоных старшин». Соборания по разному поводу проводились очень часто. Мы на них являлись в полном составе без каких-либо явных или тайных принудительных мер. Спор, дискуссия, критика, невзирая на лица и мундиры, были очень бурными. Говорили мы без шпаргалок, без тезисов, подsunутых до собрания каким-либо знатным дядюшкой. Говорили все, что на душе и на уме, не стесняясь корявости своего языка. И не помню я ни одного случая, чтобы нас кто-либо из старших грубо одергивал и осаживал. А бывало, конечно, в наших выступлениях немало всяких благоглупостей, рожденных молодостью, недостатком знаний и просто невоспитанностью.

Старшие товарищи коммунисты терпеливо, настойчиво и по-доброму нас наставляли, поправляли. Многих из них я запомнил до конца жизни и всегда буду вспоминать добрым словом.

Приходилось встречать, видеть и слышать видных деятелей нашей партии. Например, М.В. Фрунзе. Он был в те годы командующим Украинским военным округом. А для нас он был просто прославленным командармом, героем Перекопа, а также одним из лучших ленинских учеников. Фрунзе не раз бывал в нашей школе, но мы видели в нем не командарма, не генерала, а старшего товарища и друга. Он запросто садился среди нас, расспрашивал о жите-бытье, о наших интересах и нуждах. Мы задавали десятки вопросов. Он терпеливо и толково разъяснял нам сущность и сложность задач, стоявших перед нашей социалистической Родиной и перед мировой революцией. К сожалению, уже тогда он был тяжело болен. Мы видели, что приходил он утомленным, с усталыми глазами, и потому сами сокращали беседы с ним.

Чаще встречались мы с нашим Всеукраинским старостой Петровским Григорием Ивановичем.

Однажды нашим курсантам было доверено охранять поезд Петровского. Те годы на Украине были еще очень тревожными. Банды разных окрасок продолжали еще гулять по степям. Из Польши вылезали банды Скоропадского, Петлюры, Савинкова, «бабки Тютюника» (о последнем дальше еще помяну).

Однажды наши курсанты защищали поезд Петровского от напавшей банды. Курсант Базилевич лег за пулемет. Неожиданно к нему подбегает Петровский:

– В чем дело? Что случилось?

Петровский во время нападения банды спал. Проснувшись, выскочил из вагона и присоединился к курсантам. Базилевич взволнованно ответил:

– Банда напала, Григорий Иванович, уходите... Вам нельзя тут быть.

– Что значит нельзя? А где же мне быть? А ну, что тут у тебя... давай буду пулеметные ленты подавать.

Так весь бой Всеукраинский староста и провел у пулемета в качестве второго номера.

Очень хорошо запомнилась и моя беседа с ним.

Однажды довелось в качестве секретаря общешкольного комсомольского коллектива быть в президиуме совместного собрания с комсомольцами ВУЦИКа, нашими шефами. Уже во время собрания вижу: идет по просвету между рядов старичок с седенькой бородкой, с палочкой. По залу – шорох, шепот:

– Петровский! Григорий Иванович!

Взрыв аплодисментов. Зал встал. Долгие аплодисменты. Петровский прошел в президиум и сел рядом со мной. Мое комсомольское сердце трепетало и замирало. Я знал до того Петровского по портретам, а тут вот он – рядом, легонько покашливает, осматривается и вдруг тихонько спрашивает:

– Ну, как живете?

– Хорошо, Григорий Иванович, – отвечаю шепотом. – Видите, как нас обмундировали...

А обмундированы мы были действительно хорошо: малиновые галифе, английские прекрасные ботинки, хорошие обмотки и френчи. Правительство где-то разыскало обмундирование каких-то гвардейских полков «его величества» и передало нам. Мы гордились своим обмундированием. Я не выдержал, похвастался даже Г. И. Петровскому. Но добавил:

– Кушать вот маловато.

Григорий Иванович сочувственно покачал седенькой бородкой и зашептал, словно извиняясь и оправдываясь:

– Ну что же делать, трудно нам еще. Две войны одна за другой, а тут еще голод навалился. Но скоро мы станем богаче, друже, тогда будем еще лучше одеваться, сытно и вкусно кушать. А сейчас потерпите.

Меня буквально потрясла такая форма разъяснения наших трудностей главой правительства молодому солдату. Даже жарко мне стало.

– Григорий Иванович, – шепчу ему и мысленно сам себя ругаю, что так неудачно вспомнил о «шамовке». – Да мы не жалуемся... это я так, к слову пришлось. А мы от своего пайка даже выделяем долю в помощь голодающим.

В бородке Петровского ухмылочка, а глаза теплые, понимающие.

– Так-так... к слову, значит. Ну, это хорошо. А как у вас с дисциплиной и учебой?

– Хорошо, Григорий Иванович. Мы стараемся усвоить военную науку.

– Молодцы! За это хвалю. Старайтесь учиться. Нам сейчас очень нужны свои образованные командиры...

Не только мы, курсанты, а вообще украинцы очень любили Г. И. Петровского. Несмотря на свой большой государственный пост, он оставался все таким же простым, для всех доступным человеком. А мы, курсанты, всегда встречали его как заботливого отца и друга.

Когда в конце тридцатых годов я узнал о его аресте, то переживал это как личное несчастье. Я, конечно, не поверил в его какую-то преступную деятельность и был уверен, что произошла ошибка или же кто-то оклеветал нашего Григория Ивановича.

Наша общественная жизнь не ограничивалась только школой. Мы поддерживали тесную шефскую связь с канатной фабрикой, с заводом «Электросила» и со школой милиции.

У нас был очень хороший драматический кружок. Он часто ставил пьесы в школе, которые мы охотно посещали. Был у нас и литературный кружок, которым руководил писатель Копыленко. Мы часто выезжали на заводы, и к нам приезжали поэты и писатели: Павло Тычина, Остап Вишня и другие. Выступления Копыленко всегда сопровождалось гомерическим хохотом, и очень жаль, что его репрессировали и он не выжил. По-видимому, кому-то из власть имущих сановников не понравилась его меткая сатира.

Из нашей среды тоже вышел писатель – Алексей Шиманский. Еще в школе он написал книгу «Зелена Брама».

У меня была почти болезненная страсть к чтению. Я буквально пожирал книги. Перечитал почти все книги школьной библиотеки. За любовь к книге, за страстное увлечение чтением меня премировали хорошей личной библиотекой.

Однако мы, и я в том числе, конечно, переболели многими болезнями века и своего роста. В частности, «детской болезнью левизны», «архиреволюционностью».

Среди наших преподавателей было немало старых офицеров. Даже нашим, как бы сказать, «дядькой-воспитателем» был офицер старой армии Бернасовский. Тактику преподавал генерал (фамилию, к сожалению, запамятовал). Тактику партизанской войны читал нам общеизвестный белобандит Тютюнник. Он выходил к кафедре под конвоем курсантов. Но однажды под обстрелом наших вопросов, особенно бывших участников Гражданской войны, «батько Тютюнник» вынужден был признаться:

– Но Котовский и мою партизанскую тактику превзошел. Он так прижал меня в одном месте, что я еле ноги унес, в одном белье убежал.

Некоторые курсанты хотели свести с ним кровавые счеты и расправиться самосудом. Спасала его от расправы охрана наших же курсантов.

Тактику преподавал нам старый, ворчливый и добродушный генерал, один из тех, о ком солдаты говорили: «Отец родной для солдат». Память он сохранил, сохранил способность толковой передачи своего большого опыта молодым парням из деревень и с заводов. Он нас всех «тыкал», всякого, неудачно решившего задачу, стучал пальцем по голове и ворчливо говорил:

– Садись, у тебя дырка в голове! Да-с, дырка! Слушай еще раз.

И терпеливо, подробно разъяснял нам тактику боя взвода, роты, разбираал наши ошибки при решении тактических задач. При этом не было в нем, не чувствовалось презрения и пренебрежения к «кухаркиным детям». Ворчливость генеральская, но не злая и оправдывалась тем, что нелегко было преодолеть наше «тугоумие».

Следует напомнить, что середина 20-х годов была тем временем, когда старая интеллигенция начала пересматривать свое отношение к Октябрьской революции. Даже Павел Иванович Милюков, вождь самой устойчивой контрреволюционной партии, стал «сменять вехи» своих взглядов на роль русской интеллигенции в революционной России. Значительная часть интеллигенции, оставшейся в стране, стала честно работать в советских организациях.

Одним из таких честных интеллигентов был и наш курсовой командир – старый офицер дворянин Бернасовский. Курсанты, в том числе и я, «комсомольский вожак», первое время встретили его назначение открыто враждебно. Как это так: дворянин, «голубая кровь и белая косточка», недобиток старорежимный, золотопогонник будет нас воспитывать и учить?! Как воспитывать, чему учить?! Меня, бедняка, комсомольца?!

Однако Бернасовский, как бы не замечая нашей враждебности, очень спокойно и настойчиво разъяснял и внедрял среди нас общие понятия о дисциплине в армии, и, конечно, особо в армии революционной. А я был одним из первых нарушителей этой дисциплины. Бернасовский смело пошел на конфликт со мной, секретарем комсомола. И победил. Победил не административным путем, а настойчивым разъяснением моих ошибок.

В частности, он заметил мою любовь к чтению и указал на ошибочность моего бессистемного чтения. Он дал совет, как читать и что читать. Для знакомства с русской литературой он дал мне подробный и последовательный список произведений русских классиков. В конце концов дворянин-офицер преодолел мои партизанские наклонности. А я лично с его помощью значительно улучшил и повысил свое общее образование.

Глубоко потрясла всех нас, курсантов, смерть Ленина. До сих пор во всей свежести хранится память о том собрании, на котором комиссар школы Кирпонос дрожащим голосом, со слезами на глазах произнес:

– Товарищи... Ленин умер.
И замолчал, низко склонив голову.

Выпуск школы «Червонных старшин», 1925 г. 2-й ряд сверху, третий слева – В.А. Новобранец

Мы несколько минут сидели будто парализованные. Потом слышались тяжелый вздох и плач. Один, другой... и вот плачет весь зал – пятьсот молодых парней из сел и городов Украины...

Комиссар медленно, с трудом подыскивая и произнося слова, сдерживая слезы, говорил о тяжелой утрате для партии, для всего народа, для всей мировой революции. «Но, – призывал комиссар, – революция не кончилась! Революция будет идти вширь и вглубь, и потому нельзя опускать руки, нельзя расслаблять свою волю, а надо еще более укреплять ряды партии и комсомола. Нужно гений Ленина хоть частично восполнить новым большим отрядом коммунистов».

Был объявлен массовый прием в партию за счет рабочих. И я записался.

Через три месяца я был принят кандидатом в члены партии.

В августе 1925 года я с отличием окончил школу и со званием командира взвода (один кубик на петлице) был направлен в территориальный 296-й стрелковый полк, стоявший в лагере под Черкассами. Принял взвод. Красноармейцы территориальных войск – бородатые и усаые дядьки. Во время занятий они обращались ко мне:

– Сынок, а як цей гак (крючок) называется?

Так началась моя служба в Красной армии.

Перед поступлением в Высшую Военно-теоретическую школу ВВС РККА, 1927 г. Средний ряд, второй справа – В. А. Новобранец

После шестилетней работы в войсках на различных должностях: командира взвода, курсанта школы летчиков, слушателя военно-политических курсов им. С.Е. Каменева, командира и политрука роты – я в 1931 году поступил на учебу в Академию им. Фрунзе.

Попасть в Академию было заветной мечтой каждого офицера. Однако далеко не каждому это удавалось. К поступающим предъявлялись очень высокие требования по общеобразовательной, политической и военной подготовке. Все те курсы и школы, которые я проходил, фундаментальных знаний мне не давали. И я решил самостоятельно систематически готовиться по программе. Кроме того, в Киеве мне удалось посещать специальные курсы по подготовке в Академию при Доме Красной армии. Многолетний труд увенчался успехом. Весной 1931 года я выдержал экзамен при очень напряженном конкурсе (13 человек на одно место).

Среди слушателей я оказался самым молодым – мне было 27 лет при основном возрасте моих товарищей в 30–35 лет. Большинство слушателей были участниками Гражданской войны, например Рыбалко, Шедоренко, Баграмян, Конев. В Отечественной войне они стали маршалами.

Несмотря на этот, как говорят, трудный возраст для учебы, старшие товарищи прекрасно учились, и нам, молодым, приходилось здорово нажимать, чтобы от них не отстать. Особо выдающиеся способности в учебе показали упомянутые выше будущие маршалы.

Я «звезд с неба не срывал», но в общем академическую программу усваивал неплохо.

На одном курсе со мной учились Пилипенко, Ткаченко, Туловский, Разуваев, Аркуша, Жадов, Самохин, Чернигов, Эккель и др. (фамилии не помню). Пилипенко Антон Петрович был моим другом еще по школе «Червоных старшин». Вместе в одних частях мы служили, вместе на Курсах учились. Дружили семьями. В Отечественную он стал генерал-полковником. Разуваев и Жадов стали генералами армии. Жадов в Академии был по фамилии не Жадов, а Жидов. Вася Жидов – так мы его называли. В Отечественную он свою фамилию изменил. Приятно сознавать, что из нашего курса вышло много столь прославленных полководцев и военачальников. Другом моей молодости еще со школы «Червоных старшин» является Аркуша

Александр Иванович, ныне генерал-майор в отставке, с которым я поддерживаю связь по сей день.

Преподавателями были в основном генералы старой русской армии, такие как Свечин, Кузнецов, Шварц, Вацетис и др. По программе мы изучали тактику частей и соединений (полка, дивизии, корпуса), а на третьем курсе мы знакомились с армейской операцией. Кроме того, мы изучали боевую технику и тактику специальных родов войск. В особенности нам полюбили военно-инженерное дело, которое преподавал Дмитрий Михайлович Карбышев. Он так педагогически умело и интересно преподносил нам материал, что самое, казалось бы, сложное инженерное дело воспринималось нами очень легко и быстро. Помнится, Карбышев вел решительную борьбу со старыми генштабистами – Свечиным и Верховским – по вопросу о методике преподавания.

Карбышев отвергал одно только сухое педантичное чтение лекций и последующую долбежку учебников. Карбышев сопровождал свои лекции иллюстрированным материалом, историческими примерами, показом на экране расчетов и схем, активным собеседованием с аудиторией, показывал различные макеты сооружений. Фактически его лекции превращались в лабораторные занятия с активным участием всех слушателей.

Кроме изучения полка, дивизии, корпуса во всех видах боя и тактики специальных родов войск мы изучали историю Мировой войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны.

Историки нам старательно внушали, что наиболее совершенным военным искусством было немецкое. Нам на все лады расхваливали Шарнгорста, Мольтке-старшего, Шлиффена. Книга Клаузевица «О войне» являлась нашей настольной книгой. Собственно советского военного искусства мы не изучали. Оно еще не было теоретически разработано. До сих пор помнятся споры и дискуссии на собраниях военно-научного общества Академии о советской военной доктрине.

Как известно, принципиальные основы советской военной доктрины были заложены еще В. И. Лениным в его учении о восстании, в указаниях фронтам по ведению военных действий в период Гражданской войны. Ленинские мысли по военным вопросам развил М. В. Фрунзе, который впервые сформулировал сущность советской военной доктрины с позиций марксизма-ленинизма. Таким образом, Фрунзе и надо считать основоположником советской военной науки. Его статью «Единая военная доктрина и Красная армия» мы фундаментально изучали и обсуждали на теоретических конференциях.

Кроме Фрунзе мы изучали труды Тухачевского и Триандафиллова. Тухачевский, продолжая дело Фрунзе, выступал в печати с целым рядом теоретических проблем. В своем докладе на тему «Нужно ли воевать за счет духа или за счет техники» он доказывал, что одним моральным состоянием противника победить нельзя. Нужна боевая современная техника.

Курсант-летчик В.А. Новобранец

Мы, молодые слушатели, с большим интересом прислушивались к выступлениям Тухачевского и читали его статьи. В своей статье «Вопросы современной стратегии» Тухачевский еще в 1926 году предугадал характер будущей войны и призывал к перевооружению армии на

основе новой техники. Тухачевский дал также правильное направление в использовании специальных родов войск в интересах пехоты. Так, в статье «Маневр и артиллерия» он доказывал необходимость поддержки массовым артиллерийским огнем наступления пехоты на всю глубину обороны противника, а не стрелять по отдельным целям. В дальнейшем наша артиллерия об этих уроках Тухачевского забыла. Только военная необходимость и первые горькие уроки Отечественной войны заставили наших артиллеристов вспомнить его учение. Во время войны возродилось его «артиллерийское наступление», т. е. поддержка артиллерией атаки пехоты на всю глубину обороны противника. Однако это учение Тухачевского выдали за учение Сталина.

Таким образом, мы, слушатели Академии, по курсу советского военного искусства теоретически обогащались за счет трудов Фрунзе и Тухачевского.

Командирский состав 136-го стрелкового полка. Первый справа во втором ряду – В.А. Новобранец

Тухачевский после Фрунзе был самой светлой головой в нашей армии. Среди нас, молодых слушателей, он пользовался огромным авторитетом и как военный ученый, и как талантливый полководец. Никаких разговоров о «полководческом гении» Сталина в те годы мы не слышали. Ничего о его военных талантах мы и наши преподаватели не знали. Наоборот, по курсу изучения Гражданской войны выявилась одна очень неприглядная история. Нас очень интересовал один факт: почему провалилось блестяще начатое наступление Западного фронта в советско-польской войне в 1920 году под командованием Тухачевского?

Мы изучали этот факт с особо повышенным интересом, искали причины нашей неудачи под Варшавой. В то же время вышла книга Егорова «Львов – Варшава», было несколько выступлений Тухачевского, и вышла его книга «Поход на Вислу». Но авторы не раскрывали до конца всех фактов. Полностью мы этот эпизод не изучили, хотя между слушателями шли разговоры, что в этом походе отрицательную роль сыграл Сталин. И только сейчас благодаря статье «Об одной невыполненной директиве Главкома» («Военно-исторический журнал» № 2, 1962 г.) стало ясно, что вся ответственность за поражение под Варшавой лежит на Сталине.

Когда войска Западного фронта под командой Тухачевского уже находились под стенами Варшавы, Пилсудский сосредоточил крупную группировку в районе Демблина, угрожая

левому флангу Западного фронта. В этой обстановке в порядке взаимодействия фронтов решающую помощь мог оказать Юго-Западный фронт, войска которого находились под Львовом. Тухачевский обратился с просьбой о помощи к Главкому С. С. Каменеву и Ленину. Директивой Главкома, одобренной Политбюро и Пленумом ЦК, в помощь Западному фронту выделялась 1-я Конная армия, 12-я и 14-я армии из Юго-Западного фронта. Первой Конной армией, которая уперлась в полевые укрепления под Львовом и бесцельно топталась на месте, было приказано сосредоточиться в районе Владимир-Волынский с целью наступления в тыл ударной группы Пилсудского. Но Сталин, являясь членом Военного совета Юго-Западного фронта, не выполнил приказа и постановления Политбюро и Пленума ЦК. Он отказался также передать Первую конную армию Западному фронту. Буденный и Ворошилов, дезориентированные Сталиным, также противились переброске 1-й Конной на помощь Западному фронту.

Пилсудский между тем, не теряя времени, нанес контрудар по левому флангу Западного фронта, и наши войска были вынуждены начать отход. Конечно, на отход войск Западного фронта от стен Варшавы повлияли и другие причины, перечисленные В. И. Лениным, например неблагоустроенный тыл. Но главная вина лежала на Сталине. Из-за личных карьеристских устремлений Сталина провалилась блестяще развивавшаяся операция войск Западного фронта. 1 сентября 1920 года Политбюро ЦК освободило Сталина от должности члена Военного совета Юго-Западного фронта, назначив на его место С. И. Гусева.

В Академии мы, кроме военных дисциплин, фундаментально изучали марксизм-ленинизм. Должен признаться, что мне вначале было очень трудно работать по первоисточникам. Иногда овладевали сомнения – а нужны ли философские работы научного марксизма-ленинизма военному? А потом, когда разобрался с помощью преподавателей в гениальных произведениях классиков марксизма-ленинизма, я понял, как необходима теоретическая подкованность в этой области на любой работе.

В.А. Новобранец с женой М.К. Одерий, 1930 г.

Подобные же сомнения владеют и сейчас некоторой частью нашей студенческой молодежи. Они полагают, что социально-политические дисциплины в программах вузов снижают технические знания. Такие рассуждения глубоко ошибочны. Советскому специалисту во всех областях деятельности марксистско-ленинская подготовка необходима, как свежий воздух, как постоянно действующий аккумулятор энергии. Подлинными учеными и высококвалифицированными специалистами могут быть только те, кто в совершенстве овладел марксистско-ленинской теорией.

Примером тому может служить сам В. И. Ленин. Он, не будучи физиком, только на основе марксистского диалектического метода предсказал и как бы открыл ворота для дальнейшего изучения сложной структуры атомного ядра. Эта же сила философского мышления помогала Ленину очень тонко разбираться в сложности военной обстановки и давать военным специалистам очень точные решения сложных военных задач.

Марксистско-ленинское мировоззрение повышает также идейную стойкость и гибкость мышления советских ученых и специалистов.

В то время вышла книга Сталина «Вопросы ленинизма». Она стала «классическим» трудом. Ее взяли за основу политического образования. Стали подчищать и корректировать историю партии. Сталина причислили к теоретикам марксизма-ленинизма. В гениальную тройку теоретиков марксизма Маркс – Энгельс – Ленин включился Сталин. Фигура Сталина росла и ширилась и скоро совсем заслонила Ленина.

К счастью, наш выпуск слушателей Академии обучению «сталинизмом» подвергся в малой дозе, а последующие наборы обрабатывались со всей силой пропагандистского аппарата.

Неизгладимое впечатление на всех нас произвела командировка летом 1933 года, когда слушатели Академии совместно с преподавателями по заданию Генштаба проводили рекогносцировку маршрутов на случай войны. Наш курс выезжал для решения этой задачи в пограничные западные районы Украины. Работа была очень интересная. На ней мы проверяли наши знания, полученные в Академии.

Однако эта командировка врезалась мне в память на всю жизнь не по характеру работы, а по другой причине. Мы приехали в большое районное село. В первый же день по приезде пошли его осматривать. И были поражены мрачным малолюдием и тишиной большого села. Большая часть домов была заколочена или полуразрушена. Не слышно криков петухов и лая собак, не курится дымок из труб. Редкие встречные явно сторонятся нас, группы военных.

Что за страшная пустота села? Или чумной вихрь промчался над селом, не так давно, видимо, очень многолюдным?

Когда мы изучили подробно состояние этого села, что требовалось по характеру работы, то оказалось, что оно на $\frac{3}{4}$ состава вымерло от голода. И не потому, что не было урожая, а просто весь хлеб забрали у колхозников путем выполнения «встречных» планов. Причем такое положение было не только в этом одном селе, а по всем селам Украины. 1933 год войдет в историю Украины как наиболее трагический, год массовой гибели людей от искусственно созданного голода. Когда мы по этим вопросам обращались за разъяснениями к районным руководителям, то они причину голода разъясняли нам стандартными, твердо заученными газетными фразами: «Кулаки и подкулачники саботируют, колхозники, прогульщики и лодыри, не желают работать, правотроцкистская пропаганда и диверсанты панской Польши ведут подрывную работу и т. д.». А в действительности это был результат неумной сталинской политики в области колхозного строительства.

Учебу в Академии им. Фрунзе я окончил в мае 1934 года и тотчас же был направлен к месту службы в Ленинградский военный округ (ЛВО).

Благодаря тому что командующим войсками ЛВО был Борис Михайлович Шапошников, служба в Ленинграде стала для меня как бы продолжением учебы.

Вначале меня назначили на должность начальника 5-го отдела 33-й стрелковой пулеметной бригады 7-го механизированного корпуса, а затем перевели в оперативный отдел штаба округа.

Считаю большой житейской удачей, что мне пришлось работать под руководством такого крупнейшего знатока военного дела, ученого и полководца, прекрасного педагога и человека большого личного обаяния, каким был Б. М. Шапошников.

Оперативный отдел штаба вел разработки на случай войны, руководил оперативной подготовкой высшего командного состава войск округа и их штабов, руководил боевой подготовкой войск, разрабатывал учебные материалы полевых поездок, учений и маневров. Часть этой работы пришлось выполнять и мне.

Для характеристики Шапошникова и иллюстрации методов его работы расскажу об одной военной игре, во время которой я близко познакомился с Шапошниковым и впервые услышал о Рокоссовском.

На меня, как на новичка, возложили разработку большой фронтовой игры, в которой участвовали два военных округа: Ленинградский и Уральский. Руководителем игры был Б.М. Шапошников.

Во время разработки игры мне часто приводилось посещать командующего. Первый же прием произвел на меня совершенно необычайное впечатление.

Когда я зашел к нему в кабинет, он поднялся из-за стола, пошел мне навстречу, поздоровался, проводил к столу, усадил в кресло. Потом сел сам и спросил:

– Ну, голубчик, я слушаю вас.

Я в то время был молодой капитан, а он – убеленный сединами видный ученый и полководец, Маршал Советского Союза. Такого отношения к себе я еще не встречал. Но это, как я потом убедился, был обычный стиль Шапошникова. Он с уважением относился ко всем людям, независимо от их ранга, общественного и служебного положения и никогда не унижал человеческого достоинства.

В следующий раз, когда у меня уже были некоторые наброски игры, после его неизменной фразы «Ну, голубчик, я вас слушаю» я сказал:

– Товарищ командующий, нужно уточнить замысел игры за «синюю» сторону. У меня намечается вот такой вариант... – и показываю на карте свой замысел.

Шапошников внимательно выслушал и говорит:

– Неплохой вариант, я с вами согласен. А что, голубчик, попробуйте обдумать еще и вот такой ход... – И показывает весьма отличный от моего вариант.

По натуре я упрямый хохол, люблю спорить, настаивать на своем.

– Нет, позвольте, товарищ командующий, – говорю я, совершенно забыв, с кем веду обсуждение. – Это может привести к совершенно нежелательной ситуации... это же приведет к победе «синих» (а тогда в играх всегда побеждали «красные»).

Разбираю вариант Шапошникова и отвергаю его. Шапошников спокойно выслушивает меня и короткими репликами подогревает мой критический пыл. Разгорелась горячая дискуссия, которая уже вышла за пределы варианта игры. Я забыл, что я только капитан без боевого опыта и со скромным военным кругозором, а он маршал, теоретик военного дела, автор книги «Мозг армии» и командующий. Я видел перед собой только своего теоретического противника. А он совершенно «на равных началах», без единой попытки показать свое маршальское величие и военный авторитет, спорил со мной, отвергал мои доводы. И вот произошло какое-то странное смещение в моих критических наскоках на командующего: его вариант я принял за свой и горячо отстаивал его.

Шапошников с еле приметной улыбкой, выслушав мои последние замечания, сказал:

– Так-так, голубчик, хорошо. Я согласен с вашим замыслом. Так и разрабатывайте.

Когда я выходил из кабинета, Шапошников тоже встал из-за стола, проводил меня до дверей и, прощаясь, повторял:

– Хорошо-хорошо, с вашим замыслом согласен... так и разрабатывайте...

Только выйдя из его кабинета, я понял, что автором замысла игры стал Шапошников, а я только воспринял его замысел за свой. Когда и как это произошло? Честно говоря, я до сих пор не понимаю.

Когда я рассказал это своим товарищам по отделу, мне ответили:

– Это не только тебя он так принимает, это такая привычка у него от школы старого Генерального штаба осталась.

И подумалось мне тогда, молодому капитану: не мешало бы некоторым нашим тогда новоиспеченным генералам усвоить такие привычки старых генштабистов. Чего греха таить – иные тогдашние генералы старались ввести особый «генеральский» стиль в обращении с подчиненными. Генеральский авторитет подавлял всякую живую мысль. «Так приказал генерал, так думает генерал» – эти формы заменили собой творческий обмен мыслями в вопросах чисто теоретических.

Во время разработки военной игры Шапошников, уточняя материалы, как-то сказал:

– Нужно будет предусмотреть за «синюю» сторону различные варианты действий, чтобы меньше было неожиданностей. Вот, например, на «синей» стороне Псковской оперативной группы командует командир 5-го кавалерийского корпуса Рокоссовский. Он воюет по-своему и не придерживается никаких наших шаблонов. Вы будете прикреплены от штаба руководства к Рокоссовскому и будете информировать меня о всех его действиях.

– Есть, товарищ командующий!

Так я впервые услышал о комдиве Рокоссовском, который «воюет по-своему». Меня заинтересовало, как может Рокоссовский сорвать наш тщательно разработанный план, в котором все действия уже были заранее расписаны для «синих» и для «красных». По нашему плану была заранее предreshена победа «красных».

Началась игра. Я, как представитель штаба руководства, направился к Рокоссовскому, чтобы своевременно информировать Шапошникова о его действиях. Прихожу в комнату, где, по нашему плану, должен был размещаться командующий «Псковской оперативной группой синих». По времени он должен был заслушивать справки-доклады и принимать решения. На это отводился по плану целый рабочий день. Захожу в комнату. Никого нет. Ну, думаю, началась война «по-своему», о чем предупреждал Шапошников. Сорвет, думаю, игру! Заслушивать справки, доклады – а командующего даже на месте застать нет возможности. Иду в оперативный отдел штаба «синих», чтобы узнать, где их командующий и что они вообще делают. Вхожу в большую комнату и вижу: на полу разостлана огромная карта, вокруг нее на животах лежат командующий, начальник штаба, все оперативные работники штаба. Все совместно изучают обстановку и здесь же производят расчеты. Командующий заслушивает справки, доклады. Ведется оживленный обмен мнениями. Спорят. Или, точнее, идет творческая работа, и сам командующий возглавляет ее. К моему немалому удивлению, Рокоссовский здесь же, лежа на животе, принял решение и отдал приказ.

А по нашему плану надлежало: заслушать начальника разведки, начальника оперативного отдела, начальников служб, начальника штаба, обдумать все эти доклады и сформулировать решение, а потом уже отдать приказ. На все это требовалось 5–6 часов, а Рокоссовский уложился в два часа, нарушив тем самым весь наш план игры.

Бегу к Шапошникову, взволнованно докладываю:

– Товарищ командующий, Рокоссовский играет не по плану. Он уже принял решение и отдал боевой приказ...

Рассказал все, что видел и слышал.

Шапошников чему-то радуется, потирает руки и говорит:

– Ага, голубчик, я же вам говорил... Знаете, Рокоссовскому надо дать ход, «успех».

– Товарищ командующий, – возражаю я, – но это же нарушит ход всей игры. У нас «успех» «синих» не предусмотрен. Рокоссовский будет бить «красных» по частям, во время выгрузки их из эшелонов. Придется перестроить весь план игры.

– А вы думаете, голубчик, война будет идти по нашим планам? Нет! Никогда ни одна война не шла и не будет идти по нашим планам. А потому не надо шаблонов, нужно воспитывать у командиров их творческие данные. Рокоссовский – молодец! Этот человек еще себя

покажет! Давайте следующий ход. – Борис Михайлович как в воду глядел. Он тогда еще увидел в Рокоссовском будущего гениального полководца. Рокоссовский в Отечественной войне во всех его операциях побеждал врага с меньшими силами и малой кровью.

Пришлось нам дать «успех» Рокоссовскому. Он, опередив «красных» в развертывании на четыре часа, начал их «бить» сосредоточенными силами по частям, по мере выдвижения их соединений и частей к фронту.

Шапошников восхищался действиями Рокоссовского и давал ему «успех» за «успехом». Армия Рокоссовского вклинилась глубоко в расположение «красных». Для последних создавалось весьма критическое положение, почти разгром. Все шло наоборот.

Шапошников радовался, поощрял Рокоссовского, а мы, офицеры штаба, ходили растерянными – игра нарушила наш план. И мы даже ругались – мне и Мише Тестову пришлось сидеть всю ночь над разработкой следующего хода. Мы ругались и в то же время восхищались Рокоссовским, который смело нарушил затасканные шаблоны.

Весь последующий ход игры шел вокруг действий Рокоссовского как основного стержня. Шапошников, обходя малоинтересные эпизоды, брал наиболее положительные образцы из действий играющих и самые отрицательные, давая им полное развитие. Неправильные решения сами собой проявляли свою нелепость. Играющие переживали свои неудачи почти как на войне, их бросало в жар и холод.

После игры Шапошников сделал такой разбор, который стоял на высоте академического научно-исследовательского доклада. Действиями Рокоссовского Шапошников восхищался. Очень хорошо он отзывался также на разборе и о действиях комбрига Толбухина, бывшего тогда начальником штаба 1-го стрелкового корпуса. Нужно сказать, что опытный военачальник может еще в мирное время определить военные способности своих подчиненных. Не ошибся Шапошников и в Толбухине, расхваливая его действия на игре и предугадывая его полководческие дарования, которые тоже оправдались в Великой Отечественной войне.

К сожалению, об этих тогда еще не известных всем будущих полководцах знали и наши враги, которые приняли свои меры, чтобы изъять их из армии. Рокоссовский и Толбухин были арестованы в 1937 году и посажены в концлагерь.

О годах моей работы в Ленинградском военном округе я вспоминал бы как о светлом периоде своей жизни, если бы они не были омрачены черными днями всей Красной армии – массовыми арестами и уничтожением лучших наших командиров. Но об этих событиях я буду говорить в особой главе.

В 1937 году Шапошникова назначили начальником Генерального штаба. Уезжая из Ленинграда, он рекомендовал мне, Новобранцу Василию Андреевичу, Мише Тестову и Василию Федулову продолжить учение в Академии Генштаба. По его ходатайству нас зачислили слушателями АГШ, и осенью 1937 года я выехал в Москву. Это было кстати. В Ленинграде в это время шли массовые аресты. Арестован был Якир, который не доехал до места назначения – Ленинграда. Назначенный на место Шапошникова, арестован был начальник штаба округа комдив Федотов, его заместитель комбриг Подшивалов, все командиры корпусов, дивизий, полков. Не знаю, что было бы со мной и с другими, если бы мы остались там. У нас не было никакой уверенности, что завтра будем на свободе.

Здесь я впервые узнал, что такое Академия Генштаба. В мире тогда было неспокойно, надвигалась война. Две капиталистические группировки – Германия, Италия и Япония, с одной стороны, Англия, Франция, США – с другой, – пытались разрешить свои противоречия за счет Советского Союза. Поэтому партия, предваряя это, создала Академию Генштаба. В нее отбирались самые лучшие офицеры из армии. Академия готовила офицеров, умеющих разбираться в сложных боевых условиях, организовывать работу штабов крупных соединений корпуса, армии, фронта и могущих командовать такими соединениями. В Отечественную войну

себя показали слушатели 1-го курса маршалы Василевский А. М., Баграмян И.Х., Гречко А. А., Захаров М.В., генералы армии Ватутин Н.Ф., Антонов И. И. и др. Этот небольшой отряд принял на себя все тяготы Отечественной войны и довел ее до Победы.

Враги знали, что в Академии Генштаба учатся люди, могущие сыграть большую роль в войне. Последовал разгром 1-го курса. Из 150 слушателей осталось 40 человек. Сколько бы открылось талантов, если бы они дожили до войны, и сколько бы сохранилось жизней!

На наш 2-й выпуск Академии съехались офицеры со всех военных округов – всего около 120 человек. Были слушатели в звании капитанов, майоров, полковников, но все главным образом были работниками штабов корпусов и округов. Среди слушателей я встретил немало своих товарищей по Академии им. Фрунзе: Разуваева, Левина и др. Некоторые из них – Баграмян И.Х., Городецкий, Костин, Сандалов – уже были на втором курсе.

Нас, первокурсников, с первых же дней распределили по группам – человек по 15–20 в каждой. Моими товарищами по учебной группе были Шарохин (староста группы), Разуваев, Печененко, Левин, Абдулов, Пугачев, Сибирцев и др. Меня выбрали парторгом группы. Начальником группы вначале был генерал Шварц, а затем полковник Вейкин, а на второй группе – комбриг Шафалович. Начальником курса был комбриг Трубецкой.

Срок обучения был рассчитан на два года, из них полтора года отводилось на изучение программы и три месяца – на сдачу экзаменов. На первом курсе было три триместра, на втором – два. В первом триместре мы изучали тактику высших соединений (корпус во всех видах боя), во втором триместре – армейскую операцию (наступательную и оборонительную), в третьем (летнем) триместре проводилась армейская военная игра на местности со средствами связи. На втором курсе (в четвертом триместре) мы изучали фронтовую операцию, а на пятом – сдавали экзамены. В заключение всей учебы проводилась фронтовая военная игра. На экзаменах каждый разрабатывал армейскую операцию. В частности, я разрабатывал и сдавал армейскую оборонительную операцию. Мог ли я думать тогда, что через два года свою теоретическую разработку я буду еще проходить на практике на фронтах Великой Отечественной войны.

Академия Генштаба была укомплектована самыми лучшими кадрами преподавателей. Начальником кафедры оперативного искусства был комбриг Иссерсон Г. С. – после Тухачевского и Триандафиллова это был один из лучших военных теоретиков нашей армии. Его теоретические труды «Эволюция оперативного искусства» и «Глубокая операция» являлись непревзойденными теоретическими исследованиями, самыми передовыми в то время, по которым училась вся наша армия. И не только наша. «Глубокую операцию» Иссерсона, с ее эшелоном развития прорыва (ЭРП), использовали немцы, заменив только нашу конно-механизированную армию (КМГ фронта) танковой армией.

Начальником кафедры тактики высших соединений был комбриг Вакулич, а затем комдив Мордвинов. Последний не уставал напоминать нам о необходимости тщательного изучения уставов, в которых, как он утверждал, сосредоточена вся наша военная наука. Частенько он нам говорил:

– От сна восстав – читай устав! Ложася спать – читай опять!

Начальником кафедры организации и мобилизации был комкор Алафузо, кафедры военной истории – комбриг Меликов. Преподавателями оперативного искусства и начальниками учебных групп были уже знакомые нам по Академии им. Фрунзе комдивы Шварц, Паука, Сергеев, комбриги Шиловский, Кирпичников, Готовцев, комдив Свечин (профессор старой Академии Генштаба) и комбриг Верховский (тоже профессор старой Академии Генштаба и бывший военный министр правительства Керенского; почему-то Керенский очень невзлюбил его и отправил в отставку).

Преподавателями родов войск были: по артиллерии – комбриг Михайлов, по мотомех. войскам – комбриг Малевский, по хим. войскам – комбриг Шегур, по связи – комбриг Дратвин, по ВОСО – наш начальник курса Трубецкой и по военно-инженерному делу – наш общий

любимец еще по Академии им. Фрунзе Д.М. Карбышев. Он и здесь был неугомонным новатором. Впервые в истории военного искусства он разработал основы организации (применения) оперативных заграждений во фронтовой операции. И так же умело и доходчиво преподносил нам курс применения крупных заграждений в армейской оборонительной операции.

Карбышев был большим специалистом военно-инженерного дела. До сих пор не могу понять, как могло наше военное руководство в первые дни войны послать такого специалиста, ученого с мировым именем проверить состояние наших укрепленных районов! Как будто министр обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков не знали положения дел с укреплениями на границе и будто не было другого человека в Военно-инженерном управлении Министерства обороны. Пленение такого человека фашистами было большой потерей для нашей армии. Фашисты очень высоко ценили Карбышева как специалиста и хотели переманить его на свою сторону, но, встретив с его стороны железную стойкость и преданность партии, верность Родине, зверски замучили его. О Карбышеве я буду еще говорить подробно в главе «Во вражеском плену».

Принципиально новая и интересная для нас учебная программа, а также высокая квалификация наших преподавателей вызвали среди нас большое желание хорошо учиться. На учебу набросились мы жадно.

Первое время нас очень смущала наша форма: китель с черным бархатным воротником и темно-синие брюки с малиновыми лампасами. Сталин усиленно создавал и укреплял верхушку чиновничества и армейского комсостава. Простая и скромная форма двадцатых годов, скромные знаки различия заменялись все более пышными и цветистыми. Сбылся анекдот, появившийся тотчас же, когда на рукаве появились первые нашивки:

– Отсюда от первой нашивки до погон – рядом!

Наши лампасы были предвестниками генеральских лампасов и всего того яркого оперения, которым заменили суровую простоту формы времен Гражданской войны.

Когда мы появились в своих костюмах на улицах Москвы, мальчишки бежали за нами с криками:

– Смотри, смотри! Иностраный генерал!

Все, что мы изучали в Академии, весьма повышало нашу военную квалификацию. Однако необходимо указать и на те недочеты в нашей подготовке, которые выявились на войне.

Так, например, мы неправильно представляли себе начальный период войны. Нас учили, что в начале войны быстро образуется сплошной фронт и наступательную операцию придется начинать с прорыва. Как известно, война в первые месяцы нарушила все наши представления о сплошном фронте. Никакого сплошного фронта не было. Мы «гуляли» по тылам противника, а фашисты проникали в наши тылы, неожиданно-негаданно атакуя даже штабы армий. О спокойной работе штаба «за стаканом чая» нечего было и думать. Частенько командующий армией вместо заслушивания докладов-справок для принятия решения вместе с офицерами штаба ходил в контратаку против напавшего на штаб врага.

И только лишь в дальнейшем ходе войны стали образовываться сплошные фронты, и наша теория глубокой операции нашла свое практическое применение.

Очень мало знаний получили мы также по курсу стратегии, а такие знания потребовались в первые же дни войны. Потребовалось умение организовывать фронтовые операции и операции группы фронтов. У нас таких знаний не было, мы не имели стратегической базы.

Мы, слушатели, чувствовали недостаток знаний по стратегии и спрашивали, почему у нас нет курса стратегии? Преподаватели смущенно и невразумительно отвечали:

– Видите ли, стратегия – больше искусство, чем наука. Искусство – удел полководческих гениев... – и намекали на Сталина.

От общей стратегии наше внимание переключали на армейские операции. Нам осталось только «верить» в полководческий гений Сталина, который раскроется во всей своей грозной красоте только во время войны.

Особо старательно и настойчиво восхвалял полководческий гений Сталина начальник кафедры истории комбриг Меликов. По его лекциям выходило, что Сталин возглавлял все фронты Гражданской войны. Организовывал оборону Царицына, разгром Колчака и Деникина... И поход на Варшаву прошел бы удачно, если бы разрешили Сталину ударить из-под Львова. На что В. И. Ленин, как теперь стало известно, едко заметил: «Ну кто же ходит на Варшаву через Львов?» За неудачу под Варшавой Сталин обвинил Тухачевского.

Еще до ареста Тухачевский обратился с письмом к Сталину и указал на необоснованность этого обвинения, возводимого на него Меликовым. Сталин и на это письмо не ответил. Вскоре последовал арест Тухачевского. А после ареста его уже «с полным основанием» можно было «разоблачать» как «врага народа». Возвеличению Сталина и фальсификации истории помог и Ворошилов, написав подхалимскую книгу «Сталин и Красная армия». Эта книга незаслуженно восхваляла Сталина и приписывала ему все победы в Гражданской войне.

Нас такая «история» не удовлетворяла. Мы сомневались в правдивости многих фактов, так как среди нас было много непосредственных участников этих событий.

Один из слушателей первого набора, полковник Голубев, решил изучить «гениальный» план Сталина по разгрому Деникина по историческим документам. Этим планом в графической художественной форме в виде схем-плакатов были украшены все стены Академии и учебные кабинеты. Просидел он в архиве целый месяц и не нашел ни одного документа, принадлежащего Сталину. Но он нашел постановление Политбюро РКП (б) о нанесении удара через Харьков – Донбасс и на Ростов, вынесенное по рекомендации Ленина. Нашел также ряд документов, разработанных штабом Главкома и командующего Южным фронтом в развитие этого постановления.

Результаты своих поисков Голубев доложил на заседании военно-научного общества Академии и указал, что никакого плана Сталина по разгрому Деникина в природе нет и не было. Скандал! Значит, нужно теперь было сдирать со стен эти красивые схемы-плакаты!

Это сообщение Голубева было сенсацией. О ней заговорили не только в Академии, но и среди гражданского населения Москвы. Первые несколько дней в Академии все было спокойно. Видимо, политическое руководство растерялось и вырабатывало план защиты фальсифицированной исторической науки.

И вот начался разгром. Комиссар Академии Фурт мобилизовал весь политический и партийный аппарат и начал «разъяснять». Начались непрерывные заседания партбюро, партгрупп. На этих заседаниях усиленно прорабатывали Голубева. Когда цикл «теоретического» разоблачения закончился, начались «оргвыводы». Голубев исчез.

Но «бдительная» площадь Дзержинского знала, что «сомнениями» был заражен не один Голубев. Началась генеральная чистка Академии. Были арестованы лучшие преподаватели и военно-научные кадры: Свечин, Верховский, Вакулич, Алафузо, Малевский, Жигур, Михайлов и многие другие. Обезглавлены были все кафедры. Все теоретические разработки «врагов народа» были уничтожены. Учебный процесс был парализован. Новый начальник Академии комбриг Шлемин, назначенный вместо арестованного комкора Кучинского, делал героические усилия для восстановления нормального учебного процесса. Лучшие по успеваемости слушатели первого выпуска были назначены преподавателями. Это полковники Маландин, Ярчевский, Сухомлин, Курасов, Баграмян, Скоробогаткин, Протас, Костин, Шимонаев, Рухле, Бейкин, Гаспилович, Корнеев. Полковник Вейкин был назначен начальником нашей учебной группы.

Дольше всех продержался в Академии начальник кафедры оперативного искусства Иссерсон, но вскоре и его постигла такая же трагическая судьба.

Иссерсон был человеком свободного творческого ума. Нигде в его трудах я не находил ссылок на полководческую гениальность Сталина. Как известно, невежество не терпит соседства светлых умов. Началась кампания против Иссерсона, затем и он попал в сонм «врагов народа».

Я был тогда парторгом учебной группы. Старостой был полковник Миша Шарохин. Комиссар Академии генерал-полковник Фурт созвал парторгов на совещание, и секретарь партбюро Академии (фамилии не помню) поставил перед нами вопрос об Иссерсоне как о человеке, который преподавал оперативное искусство с «чужих позиций». Нам предлагалось «повысить бдительность».

Мы недоумевали, переглядывались между собой. Как в детской игре в «телефон», шептали друг другу:

– Как повысить? Бдительность в какой области?

Мы знали, что книга Иссерсона «Глубокая операция» пользуется всемирной известностью, что наша теория оперативного искусства самая передовая в мире и выше, чем в буржуазных странах. Мы знали биографию Иссерсона. «Родственников за границей у него не было, и теща не принадлежала к буржуазному классу». Мы не знали конкретно, в какой части «поднимать бдительность», а тем паче «организовывать против него общественное мнение».

Но мы не могли и выступить за него. Все очень хорошо знали, что защищать человека, намеченного сверху как «враг народа», смертельно опасно. Защитники попадали в один лагерь с подзащитными. Поэтому мы пошли по линии наименьшего сопротивления: когда ставился вопрос об исключении из партии, мы подавляющим большинством голосовали против.

Двое суток комиссар Фурт и партийные «вожди» мучили нас на партийных собраниях. Но нужного им решения так и не добились.

Несмотря на молчаливое сопротивление широкой партийной общественности, Фурт решил расправиться с Иссерсоном на партбюро.

Я помню хорошо это постыдное заседание партбюро Академии с активом и до сих пор испытываю чувство стыда. «Штатные» докладчики якобы с позиций марксизма-ленинизма пытались найти в трудах Иссерсона порочащие его идеи. Но профессор Иссерсон был человеком эрудированным и одного за другим «патентованных марксистов» «сажал в галошу». Но невежды не смущались. Они переходили наличные оскорбления, на передергивание слов и фраз и на обычную клевету «по слухам». Этими нечестными приемами они довели Иссерсона до слез...

Мы, слушатели, не могли выдержать такого измывательства над человеком и ученым, которого уважали. Один за другим мы покинули заседание партбюро. Ушел и я. Не знаю уж, как голосовали за исключение, но факт тот, что Иссерсон исчез. Советской военной науке был нанесен еще один тяжелый удар.

Среди слушателей царил недоумение, а порой почти неприкрытое озлобление против партийно-политического руководства, в особенности против невежды Фурта, а потом и Гаврилова, организовавших и проводящих разгром преподавательских кадров Академии.

Вслед за первым туром арестов преподавателей последовал второй тур – арестов уже слушателей. Основной удар был направлен на ведущий второй курс. Он создавал общий протестующий тон. В результате «чистки» из 150 слушателей ко дню выпуска осталось всего 42 человека. Остальных или просто выгнали из Академии, или направили в концлагерь.

Наш второй курс каким-то чудом погрома избежал. В этом нужно отдать должное Мише Шарохину, члену партбюро Академии, и секретарю курсовой парторганизации Сафонову. Они на партбюро категорически отвергали все обвинения и грозились не поддержать их среди слушателей.

Попал под этот удар и наш начальник группы полковник Вейкин. Однажды я встретил его в штатской одежде в Академии и был очень удивлен этим маскарадом. «Что, думаю, за таинственное переодевание?»

Спрашиваю его, в чем, мол, дело? Он говорит, что его уволили из Академии и он где-то устроился заведующим гаражом.

Вейкин был тогда беспартийным. Со слезами на глазах он рассказал мне свою историю и попросил как парторга побеседовать со слушателями и дать ему отзыв о его работе в Академии. Может быть, наша характеристика облегчит его судьбу.

– Ведь меня, – говорит он, – вот-вот арестуют.

Я хотел немедленно идти к Фурту и Шлемину просить за Вейкина, но он предупредил:

– К ним не ходите, ничего от них не добьетесь, а вот ваша коллективная справка больше даст. Но имейте в виду, что и вам эта коллективная характеристика может принести неприятности.

Я все же пообещал Вейкину сделать все, что смогу. Поговорил со старостой группы Мишей Шарохиным (ныне генерал-полковником). Он также очень болезненно воспринял судьбу Вейкина. Все мы уважали Вейкина как человека высокой культуры, скромного, вежливого и грамотного в военном отношении. Он обладал большим оперативно-стратегическим кругозором и хорошими методическими навыками в преподавании. Заниматься с ним было одно удовольствие. В свободной товарищеской обстановке мы глубоко изучали большие вопросы военного искусства.

И вот с этим человеком такое несчастье!

Мы с Шарохиным созвали буквально нелегальное собрание нашей группы. Обсудили не только судьбу Вейкина, но и некоторые действия руководства Академии. Решили написать положительную характеристику на Вейкина с требованием восстановления его в армии.

Собрание проходило на редкость активно и страстно. Все выступавшие были едины в своем мнении. Блестящую характеристику полковнику Вейкину подписали все двадцать человек слушателей – коммунистов.

Когда я передавал документ, подписанный двадцатью членами партии, Вейкин, очень тронутый, сказал:

– Теперь мне не важно, что обо мне думают всесильные мира сего. Мне важно, что думает обо мне народ.

Не знаю, какую роль в его судьбе сыграла наша характеристика, но уже после войны я узнал, что Вейкин, во-первых, жив и здоров и, во-вторых, имеет звание генерала. Как уже говорилось выше, и в этом вопросе большую роль сыграл Миша Шарохин, бывший член партийной комиссии Академии. Он всячески старался отклонить необоснованные обвинения и многих товарищей спас, в том числе Маландина и Курасова, намеченных было к изгнанию из армии.

Мы ожидали, что наше нелегальное собрание раскроется и нас с соответствующей проработкой вышвырнут из Академии. Но все обошлось благополучно. Никто из нашей группы не проболтался, и, следовательно, не было среди нас тех, кого народ очень метко назвал «стукачами».

Также без всяких конкретных обвинений был изгнан из Академии и уволен из армии полковник Баграмян И.Х. (ныне маршал). Случай показательный, и о нем следует рассказать особо.

Однажды в Москве, когда я уже работал в Разведупре Генштаба, встретил на улице полковника Баграмяна. Я знал его еще по Академии им. Фрунзе. Мы были однокашниками по выпуску, и между нами были приятельские отношения. Увидев его, стал приветствовать:

– А-а, Иван Христофорович! Здорово! Ну как живешь? Где работаешь?

Однако улыбка Баграмяна была очень кислая. Пожимая мне руку, он со вздохом покачал головой:

– Плохо, брат. Выгнали меня из Академии и демобилизовали из армии.

Меня будто кто обухом по голове хватил. Стою, молчу и смотрю на товарища, с которым учился в двух Академиях. Знал, как себя, как самого способного среди всех слушателей. Он еще в 1931–1934 годах прекрасно разбирался в оперативно-стратегических вопросах, имел хорошее общее образование. Частенько мы бегали к нему за помощью при решении какой-либо сложной задачи. И он никогда не отказывал товарищам. Когда в преподавательских кадрах Академии Генштаба по вине Сталина образовался большой провал, Баграмяна как лучшего слушателя оставили при Академии преподавателем.

И вот изгнали! Легко сказать!

Чем же, думаю, помочь ему? Когда выручали Вейкина, у нас была целая группа дружных ребят. А сейчас я в Разведупре один и в опале и ни в чем конкретном помочь Баграмяну не могу.

Стою, думаю, переживаю...

Баграмян сказал, что собирается уехать из Москвы домой, на Кавказ, в Армению.

Ну тут уж я полностью воспротивился его намерению и сказал:

– Если ты уедешь из Москвы, считай, что ты для армии пропал окончательно. Нет! Тебе нужно сидеть в Москве и бороться, пока есть возможность, пока тебя не упрятали за решетку. Но даже и за решеткой нужно бороться. Советую тебе сделать вот что: пиши во все советские, партийные, гражданские и военные организации. Даже в профсоюзы, в ВЦСПС. Описывай подробно, как они с тобой расправились, требуя расследования всего дела и восстановления в армии. Не жалея бумаги, чернил и труда. Пиши! Главное, пусть побольше людей узнает, как с тобой расправились. Ведь с тобой расправилась так мерзко какая-то кучка подлых людей. Так вот ты о них и говори, пускай их имена станут известны многим.

Баграмян со мной согласился и, по-видимому, своими письмами охватил широкий круг партийных и советских организаций. Примерно через месяц я опять встретился с ним на улице.

– Ну как, – спрашиваю, – дела, Иван Христофорович?

Он весело смеется:

– У-у, брат, тут такая каша заварилась! На днях вызывали меня в Управление кадров к самому генералу армии Щаденко. Пришел я к нему. Он выскочил из-за стола, бежит по кабинету, машет кулаками и кричит: «Ты что, так тебя растак... – помянул всю мою родню и кое-кого из богов. – Что ты, – кричит, – всем пишешь, что тебя обидели? Даже в ВЦСПС написал! Ты что, член профсоюза? Какого? – Долго ругался. Когда задохнулся – утихомирился и говорит: – Ладно, восстановим тебя в армии!» И вот! – Баграмян провел руками по кителю: – Вот, вернулся в армию. Получил выпуск из Академии и все, что положено. Еду сейчас начальником оперативного отдела Киевского военного округа».

Я искренне поздравил Ивана Христофоровича, а сейчас рад вдвойне, что наша армия не потеряла видного полководца, сыгравшего большую роль в Отечественной войне.

Вновь мы встретились уже на фронте в первые дни войны. Но об этом позже.

Вот в такой ядовитой политической атмосфере мы учились в Академии Генштаба. Много очень одаренных слушателей или погибли в лагерях, или не смогли закончить своего военного образования, и тем самым армия лишилась хороших командиров.

В конце июня 1939 года наш курс сдавал экзамены «оперативные разработки» и дипломные работы. Я работал над темой «Оборонительная операция армии». И будто в воду глядел: в первые же дни Великой Отечественной войны мне пришлось участвовать в оборонительной операции армии. Только характер обороны был иной, совсем не такой, как мы изучали. Но об этом ниже.

Выполнив работу – последнюю перед выпуском, – уже вечером с чувством большого облегчения я пошел домой. Вот и снят с плеч тяжелый груз, окончен еще один этап в моем военном образовании. Надо полагать, мои настроения и думы напоминали думы и мечтания

всех студентов, окончивших экзамены: как бы и где бы лучше отдохнуть. Вспоминались разные бездумные летние развлечения вроде рыбалки на берегу пустынного озера, ночлега у костра. Поест бы ухи с дымком или печеной картошки с угольком вместо осточертевших бутербродов в буфете Академии. К этим мечтаниям располагали длинные горячие летние дни. Можно, конечно, и с семьей поехать куда-либо на юг или к себе на родину, в Полтавщину. Хорошо бы также отдохнуть у родственников жены под Киевом.

О будущей работе не думалось. Среди нас, военных, устойчиво держалось фаталистическое убеждение: «Начальству видней, куда послать!» У нас были поговорки: «Дальше Кушки не пошлют!» и «Меньше взвода не дадут!»

И вдруг звонок телефона:

– Немедленно явитесь в штаб Академии.

И тотчас же подумалось: «Ну вот и решение моей судьбы».

В штабе разговор был предельно краток:

– Завтра в 12 часов дня явитесь в Генеральный штаб и выезжайте в распоряжение Забайкальского военного округа, где организуется штаб фронтовой группы.

В Генеральном штабе нам кратко сообщили, что в районе Халхин-Гола назревают большие события, могущие перерасти в серьезный военный конфликт, а возможно, и в войну. В Чите организуется штаб фронтовой группы как филиал Генерального штаба. Мой друг полковник Миша Тестов получил назначение на должность начальника оперативного отдела штаба 1-й армейской группы к комкору Жукову. Я был назначен в оперативный отдел штаба фронтовой группы.

На следующий день после разговора в Генштабе одна группа генштабистов, в том числе и мой друг Миша Тестов, вылетела самолетом, а другая – Григоренко, Ломов, Печененко и я – выехала поездом в Читу.

До Читы поезд шел свыше шести суток. Я уже вышел из того возраста, когда даже малая поездка в незнакомый край вызывает повышенный интерес. Мне уже пришлось повидать немалую часть Родины: Полтавщину, Киевщину, Харьковщину, Ленинград и Северо-Западную область. Многое в этих областях радовало, многими картинами любовался, но только в эту поездку в Читу я со всей глубиной почувствовал – проник в смысл слов известной песни Лебедева-Кумача – «Широка страна моя родная!».

День и ночь шестеро суток поезд с небольшими остановками мчался на Восток. Бежали за окном, как кадры чудесной кинокартины, горы, степи, леса, грохотали тоннели и мосты над невиданно широкими реками, мелькали города, поселки, хутора, на станциях встречались люди незнакомого обличия, в странной одежде и со странным говором.

И все это был Советский Союз, советский народ!

Удивляла и радовала нас также неповторимая красота многих мест. Но буквально потрясла величественная в своей недоступности красота Байкала. Как только поезд остановился на станции Байкал, мы, солидные генштабисты, майоры, как юнцы-комсомолы, в одних трусах выскочили из вагона и побежали купаться. Удивительно прозрачная вода обожгла нас почти ледяным холодом, но это только дополнило и усилило наше восторженное преклонение перед могучей красотой Байкала. После купания мы, настроившись на романтический лад, запели:

– Славное море, священный Байкал...

Мы так восторженно пели, что не заметили, как тронулся поезд. Пришлось в одних трусах бегом по шпалам догонять последний вагон. И хорошо, что догнали, а если бы не догнали? Представляете себе наше положение?!

Основываясь на личном опыте, могу посоветовать тем молодым людям, которые едут на Восток: «Ездите поездом, а не летайте самолетом. На самолете вы увидите только облака и

пустое небо, а из окна вагона без книг и лекций познаете всю красоту, величие и мощь Советской страны и ее народа».

Именно эти чувства волновали меня во время поездки до Читы и укрепляли горделивую уверенность, что такую страну, такой народ не победить и не покорить ни одному, даже самому могучему врагу. А враги, сильные и злобные, хитрые и коварные, есть. На Западе – фашисты Германии, на Востоке – самураи Японии. Ось Берлин – Токио уже вращается, набирает скорость. Не исключено, что события на границе Монголии и будут началом величайшего столкновения мирового фашизма с молодым социалистическим государством.

К нашему приезду в Читу на монголо-маньчжурской границе пограничные инциденты уже разрослись до столкновения крупных воинских частей. В Чите уже царила прифронтовая атмосфера. С Запада подходили поезда с вооружением и продовольствием, в Забайкальском и Дальневосточном округах шла мобилизация запасных. Уже полностью был сформирован штаб фронтовой группы. Командующим был назначен генерал армии Штерн, начальником штаба – генерал-майор Кузнецов. Корпус, стоявший в районе Халхин-Гола, был переформирован в Первую армейскую группу, усиленную тремя авиаполками, двумя танковыми бригадами и несколькими артполками. Командующим всей группой был назначен Георгий Константинович Жуков.

Мне поручили очень ответственную и, по условиям Забайкалья и Монголии, весьма нелегкую задачу по организации снабжения действующей армии вооружением, боеприпасами, горючим и продовольствием, т. е. организовать армейский фронтовой тыл. А условия такие: от наших основных баз в Забайкалье на станциях «Соловьевское» и «79-й разъезд» железных и шоссейных дорог в общепринятом понимании не было. Была степь, в которой неопытный шофер мог заблудиться так же легко, как в глухой нехоженой тайге. Были «обо» – песчаные холмы, похожие друг на друга, как в Москве стандартные дома. А по степи можно ехать куда хочешь на любой скорости, только не теряя курса и не перепутаешь одни «обо» с другими.

Фронт от наших баз находился на расстоянии 1100 км. Вот и снабжай целую армию и организуй ее тыл!

Дорожное строительство благодаря характеру монгольской степи можно было сократить до минимума. Необходимо было только продумать и реально помочь шоферам преодолевать огромные расстояния в условиях почти тропического зноя летом и жутких морозов зимой, ветров и пыльных бурь. Нужны были ориентиры. В помощь водителям мы организовали пункты отдыха (этапы) для шоферов с заправкой горючим и текущим ремонтом.

В моем распоряжении было 12 автобatalьонов. О своей работе в должности начальника тылового отделения оперативного отдела штаба фронта группы по материальному снабжению войск полагаю ограничиться одной фразой: ни разу за время боев ни одна часть не испытывала недостатка в вооружении, боеприпасах, горючем и продовольствии, а я, как начальник тылового отделения фронта, не получил ни одного замечания от командования и был награжден медалью «За боевые заслуги».

Должен сказать, что мне пришлось поломать все догмы и представления о фронтовом и армейском тыле. Из-за отсутствия железной дороги станции снабжения пришлось организовывать на грунте, и вместо военной дороги были только грунтовые участки длиной в 1000 км от распределительной станции «Соловьевское» («79-й разъезд») до самых войск. Планировать подвоз запасов приходилось на несколько дней вперед. Причем выгружать их приходилось прямо из железнодорожных вагонов, движущихся в Читу из глубины страны, ибо никаких запасов на месте уже не было. Снабжение войск висело на ниточке. Достаточно было японской авиации разбомбить одну-две станции на транссибирской магистрали, и наши войска в Монголии остались бы без горючего и боеприпасов. В этой связи хочется сказать, какое огромное оборонное значение имеет строительство БАМа.

События на Халхин-Голе имели для нашей страны и армии очень важное значение: они явились проверкой нашей готовности к большой войне. Экзамен был тем более серьезный и важный, что в нем принимали участие все роды войск. Высшие командиры и штабы показали свои знания, свое оперативное искусство и воинскую культуру. Младший комсостав и рядовые бойцы показали свое мужество, дисциплинированность, умение владеть новыми видами оружия.

И надо сейчас со всей откровенностью и правдивостью признать, что в этих событиях только красноармейцы и младшие командиры оказались на высоте своего положения, проявили понимание серьезности событий и готовности выполнить воинский приказ. Несмотря на отдаленность событий от жизненно важных областей Советского Союза, красноармейцы понимали, что именно сейчас и в данном месте надо отбить охоту у японцев «испытывать» стойкость солдат Красной армии.

Но действия командования 1-й армейской группы во главе с генералом Жуковым оказались не на высоте, не отвечали требованиям военной науки. Точнее говоря, мы победили японцев огромным преимуществом в живой силе и технике, а не военным искусством. «Шапками закидали». Отсюда огромные, ничем не оправданные потери. Две недели мы громили японскую дивизию в обороне и ежедневно продвигались вперед на 80—100 метров, не более. Наступали мы многочисленными отрядами, распыляли силы и средства, били врага «растопыренными пальцами». Не было взаимодействия родов войск – все они действовали самостоятельно, придерживаясь оперативного плана только в общих чертах. Например, танки прорывались в глубокий тыл противника, громили там склады горючего, а в это время пехота оставалась без их поддержки и гибла под жестоким огнем японцев. Самолеты также большей частью атаковали тылы противника и не поддерживали пехоту на поле боя. Артиллерия не взаимодействовала с пехотой, не оказывала ей эффективной поддержки в наступлении. И уж совершенно скверно показала себя техническая связь. Радио, уже широко вошедшее в быт советских людей, не было использовано для связи с войсками, что лишило штаб основного средства управления боем. Штаб Жукова в дни сражений напоминал штаб Наполеона: здесь всегда были толпы офицеров-делегатов связи от частей. Командарм Жуков игнорировал технические средства связи и использовал для этой цели только офицеров, как это делал в свое время Наполеон. Поэтому мы и прозвали его тогда «Бонапартом». Но, в отличие от наполеоновских времен, офицеры не «скакали» на конях, а ехали на автомашинах. Делегаты связи, возвращаясь к месту боев, плутали по бескрайним степям, петляя вокруг песчаных «обо», или погибали под огнем японцев. Приказы командующего или не доходили до командиров частей, или безнадежно опаздывали, когда обстановка требовала уже другого решения. Бывали случаи, когда делегатов связи от частей не хватало, и тогда Жуков рассылал по фронту офицеров своего штаба. Иногда в штабе оставался только командующий со своим начальником штаба.

То, что мы победили не умением, а численным превосходством, подтверждается в 10-м томе Малой Советской энциклопедии (3-е издание), где на стр. 10–11 можно прочитать о Халхин-Голе краткую, но весьма показательную справку. Из нее (и приложенной карты боев) следует, что победа досталась нам при таком соотношении сил: восемь наших дивизий против двух неполных японских, или, округленно, четыре к одному в нашу пользу, а в танках и артиллерии у нас было подавляющее превосходство. По потерям у нас было также печальное «преимущество». Было огромное количество убитых и раненых, Чита была переполнена ранеными, многих из-за недостатка мест пришлось срочно эвакуировать в Иркутск и дальше на Запад по всем городам Сибири, а затем в европейскую часть СССР, на курорты Крыма и Кавказа.

Победа, о которой мы прокричали на весь мир, была пирровой победой. Не нужно было кричать о победе на весь мир, не надо было обманывать советский народ, а нужно было сделать серьезные выводы из трагического халхин-гольского опыта.

Для всех нас, начиная от командования и кончая солдатами, было ясно, что Халхин-Гол явился прелюдией близкой военной грозы. Несомненно, немецкий и японский генштабы прощупывали нашу боеспособность. И вот, подводя итоги событий, большинству командиров стало очевидно, что мы к большой войне не готовы. Командующий Штерн во время событий неоднократно пытался «вразумить» Жукова, однако без всякого результата, а вернее, с трагическим для себя результатом. Дело в том, что и Жуков, и Штерн имели прямой провод к Сталину. Честная и правдивая информация Штерна тотчас же искажалась Жуковым в выгодном для себя свете. В 1940 году Штерн исчез с нашего горизонта, и о его дальнейшей судьбе нам ничего не было известно.

Вместе с тем необходимо сказать, что только благодаря Штерну мы одержали победу над японцами. Командующий Штерн, которому подчинялся Жуков, радикально вмешивался в управление войсками и исправлял грубые ошибки Жукова. На этой почве и возникали трения, которые привели к опале Штерна и его гибели.

Накануне большой войны наша армия лишилась еще одного талантливого полководца с большим оперативно-стратегическим кругозором, человека высокой культуры. Во время Гражданской войны в Испании Штерн был военным советником республиканской армии и проявил там хорошие полководческие способности. В те времена он находился в личной переписке со Сталиным, лично ему сообщал о ходе военных действий и о своих планах. По возвращении из Испании Штерн был награжден званием Героя Советского Союза.

Но у Штерна был большой «недостаток» – он обладал независимым складом ума, смелостью суждений. Для расследования событий на месте Сталин направил в Забайкалье комиссию во главе с Мехлисом, который и «помог» Штерну «исчезнуть».

Позднее стало известно, что на судьбу Штерна повлияло не только его вмешательство в действия Жукова, но и попытка объективно изучить этот горький опыт войны. Он приказал группе офицеров-генштабистов изучить только что полученный боевой опыт, вскрыть все ошибки командования и все недочеты в подготовке армии. И обо всем этом написать книгу. Предполагалось доложить ее высшему начальству, затем издать в секретном порядке и разослать в армию. Этого требовал и Генеральный штаб. Все командиры должны учиться на опыте Халхин-Гола. Таков был замысел.

В состав комиссии были включены следующие генштабисты:

Печененко Савва Дмитриевич – начальник отдела боевой подготовки фронта, он неоднократно лично наблюдал боевые действия армии и действия Жукова;

Ломов Николай Андреевич – начальник мобилизационного отдела фронта, он лично сопровождал прибывающие части на фронт и передавал их Жукову;

полковник Тестов, начальник оперативного отдела штаба армейской группы;

Новобранец Василий Андреевич – ответственный за снабжение войск и другие (фамилий не помню).

Возглавлял редакционную коллегию начальник оперативного отдела фронта полковник Клестов.

Члены комиссии, конечно, были в курсе всех дел, являлись свидетелями и очевидцами событий. Однако мы не ограничились штабными документами и личными впечатлениями. Пришлось опросить многие десятки участников боев, начиная от рядовых солдат, танкистов, летчиков и до командиров разных частей и соединений. Опрашивали их непосредственно на местах боевых действий, выясняли детали событий на местности и, как говорится, «по горячим следам», на второй день после окончания боев.

Беседовали мы и с командующим 1-й армейской группой генералом Жуковым. Однако откровенной полезной беседы не получилось. Жуков расценил наши расспросы по-своему, почему-то обиделся и больше с нами не встречался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.